

УДК 94(410)“15/18”
ББК 63.3(4Вел)513

КАРТА КЛАНОВ (1731 г.) ГЕНЕРАЛА УЭЙДА, ИЛИ КАРТА ЛОЯЛЬНОСТЕЙ ХАЙЛЕНДА

Малкин Станислав Геннадьевич

Доцент кафедры всеобщей истории и методики обучения
Поволжской государственной социально-гуманитарной академии
s.g.malkin@mail.ru
ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена при поддержке Лондонской школы экономики и политических наук в рамках реализации исследовательских проектов «Imperial Identity in Britain and Russia: Scotland and Ukraine, 1707–1914» (2010 г.) и Modernizing Empires: Regular State on the Margins of Europe – Britain and Russia in the Age of Reason (2013 г.).

В статье анализируются попытки британских военных чинов, ответственных за умиротворение Горной Шотландии в первой половине XVIII в., локализовать мятеж с помощью военной топографии и этнической картографии. Материал касается репрезентации, интерпретации и использования картографической информации о Горной Стране. Риторические стратегии военных картографов, их цели и роль также являются предметом анализа.

Ключевые слова: Великобритания, Горная Шотландия, «Хайлендская проблема», картография, «Описание Горной Страны», Клемент Лемприер, генерал Уэйд.

Расширение британского присутствия в Горной Шотландии влекло за собой географическое изучение и картографирование этой мятежной гэльской окраины, населенной многочисленными кланами, вооруженными и лояльными только своим вождям и/или магнатам. Соответственно, свое отражение на картах нашли и шотландские горцы. Важным аспектом централизации государства в Европе раннего Нового времени являлось преумножение и уточнение этнографических знаний и сведений о народах страны. Представлявшие для Лондона «Хайлендскую проблему» кланы Горного Края заняли прочное место в умах ответственных за его умиротворение чинов и, следовательно, в картографическом воображении сотрудников Артиллерийской палаты в лондонском Тауэре [5]. Составленные агентами правительства описания Горной Страны, в конечном счете, часто оказывались составной частью более масштабных карто-

графических проектов (таких, например, как «Большая карта» Шотландии герцога Камберленда – «Военное обозрение Шотландии» 1747–1755 гг.) [29]. Таким образом, военные и штатские «шотландские» чины получали возможность в емкой и образной форме эффективно (и, часто, эффективно именно по этой причине) отчитываться перед Короной и правительством в Лондоне и оперативно реагировать на обстановку в мятежном крае, умиротворяя и «цивилизуя» Хайленд.

Вместе с тем среди известных нам карт Горной Шотландии, составленных в рамках географического решения «Хайлендской проблемы», только одна может считаться этнографической в полном смысле этого слова – составленная в 1731 г. по заказу командующего королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 гг. генерал-майора Джорджа Уэйда гравером и картографом Артиллерийской палаты в Тауэре Клементом Лемприером кар-

та кланов Горного Края – «Описание Горной Страны Шотландии. Расположение различных кланов и число людей, способных держать оружие, а также недавно воздвигнутые форты и пути сообщения, или военные дороги, проложенные по приказу Его Величества, вместе с резиденциями наиболее влиятельных знатных особ на Равнинах» [19]. Горцы, разумеется, фигурируют и на других картах Хайленда, но только Лемприер так определенно и смело представил Горную Шотландию краем кланов, вождей и магнатов (как правило, горцы присутствовали на планах битв с якобитами) [6]. Уникальный характер этого картографического документа в этом смысле не поддается сомнению. Вопрос возникает в связи с его репрезентативностью. В какой мере труд Лемприера отражал распространенное среди ответственных за умиротворение Горной Страны чинов и членов правительства в Лондоне представление об этнографической карте Хайленда? Соответствовала ли практика решения «Хайлендской проблемы» карте лояльностей края, нашедшей отражение в географии «верных» и «взбунтовавшихся» кланов, вождей и феодальных властителей? Иными словами, можно ли рассматривать «Описание Горной Страны» Лемприера в качестве показательного примера составления и прочтения этнографической карты Горного Края, выражавшихся в сочетании пропагандистских элементов и контуров реальной политики, ожидаемого решения «Хайлендской проблемы» и ее состояния в 1731 году?

Прежде всего, необходимо определиться с тем, какое значение сами современники придавали труду Лемприера. Незадолго до вступления в Шотландию в декабре 1745 г. преследовавший якобитов генерал-майор Генри Хоули, командующий королевскими войсками в Великобритании до прибытия в армию герцога Камберленда, жаловался в одном из писем: «Я иду во тьме, поскольку маршал Уэйд не пожелал, чтобы я владел его картой!» [29, р. 25]. Вероятнее всего, генерал Хоули имел в виду как раз «Описание Горной Страны» Лемприера 1731 г., составленное по распоряжению командующего королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 гг. генерал-майора Джорджа Уэйда [28, р. 104]. Когда в королевстве разразился последний мятеж яко-

битов 1745–1746 гг., этот шедевр этнической картографии Хайленда оказался единственной пригодной для военных нужд крупномасштабной картой Шотландии в распоряжении ответственных «шотландских» чинов – при этом не отпечатанной и составленной лишь в двух экземплярах. Отпечатанная карта Шотландии, составленная военным инженером и коллегой Лемприера по Артиллерийской палате Джоном Элфинстоном (зачислен практикантом в Корпус королевских инженеров в 1744 г.), была доступна генералам и ею действительно пользовались, однако масштаб (13 миль на дюйм против 6 миль на дюйм у Лемприера) был слишком велик для ее использования в военном планировании (как и для решения «Хайлендской проблемы» благодаря ее картографированию) [19; 29]. Другие составленные граверами и картографами Артиллерийской палаты карты Горной Страны и военной инфраструктуры края, созданной под началом генерала Уэйда, касались отдельных областей и представляли Хайленд фрагментарно [4; 33]. До появления «Военного обозрения Шотландии» 1747–1755 гг. «Описание Горной Страны» 1731 г. являлось, пожалуй, единственным в своем роде картографическим памятником трудам военных инженеров в лондонском Тауэре, позволявшим с математической точностью (если верить представленной карте) буквально в красках вообразить географию «Хайлендской проблемы» во всем ее величии и сложности от военных дорог и фортов в шотландских горах до границ влияния обитавших там кланов.

Далее, важно понять, кому адресовано составленное Лемприером «Описание Горной Страны» – каковы конечные цели создания этой этнографической карты. Кэролайн Эндерсон справедливо отмечает, что труд Лемприера представляет собой наглядное пособие к программному рапорту генерала Уэйда 1724 г. [5, р. 79]. «Описание Горной Страны» отражает основные направления предложенной им Короне и правительству хайлендской политики: строительство фортов и военных дорог, разоружение «взбунтовавшихся» горцев и сотрудничество с «верными» Лондону кланами, вождями, магнатами [32, р. 131–146]. План умиротворения Горной Шотландии, предложенный командующим, как известно, получил

высочайшее одобрение, и летом 1725 г. военные и штатские «шотландские» чины приступили к его исполнению. Следовательно, картографический шедевр Лемприера в данном случае следует рассматривать как своеобразный отчет генерала Уэйда о предварительных результатах решения «Хайлендской проблемы»: шесть лет спустя после составления первого рапорта командующего о состоянии Горного Края Лемприер практически дословно процитировал его в «Описании Горной Страны». Косвенным подтверждением этого предположения является ростовой портрет самого генерала, написанный Джоном ван Дьестом предположительно в том же 1731 г., и так же свидетельствовавший об успешном усердии Уэйда в Хайленде (фоном художник избрал шотландские горы, оживленные партией «красных мундиров», занятых строительством военной дороги через Корриарэкский проход) [9]. Таким образом, анализируя символику, образы, практики чтения карт в контексте связанных с ними документов эпохи, можно попробовать дешифровать визуальные коды двух взаимосвязанных процессов в Европе раннего Нового времени: централизации государственной власти на окраинах и (дез)интеграции периферии. «Описание Горной Страны» Лемприера и рапорты Уэйда «о состоянии Горного Края» предоставляют в этом смысле уникальную возможность исследовать формирование и особенности географического воображения решения «Хайлендской проблемы» по обе стороны Грэмпианских вершин одновременно.

Название, выбранное Лемприером для составленного им в 1731 г. «Описания Горной Страны», обозначает сразу несколько тем, поднимаемых в современных исследованиях о том, каким образом сотрудники Артиллерийской палаты пытались поместить Хайленд на карту в рамках предпринятых Лондоном мер по умиротворению этой гэльской окраины. Корона представлена в Горной Шотландии «недавно воздвигнутыми фортами» и «военными дорогами» посреди «различных кланов», в каждом из которых имелось определенное генералом Уэйдом и подтвержденное легендой «Описания Горной Страны» число людей, «способных держать оружие» [19]. При этом «взбунтовавшийся» горец воспринимал-

ся как угроза британскому присутствию в крае еще и потому, что он прекрасно ориентировался на местности (лучше «красных мундиров» и многих «шотландских» чинов), используя это знание если не для стратегических, то для тактических преимуществ. Соответственно горцы могли обретаться за пределами географического воображения чинов и агентов правительства – за пределами влияния британских властей. Учитывая, что Горный Край представлял местом географической неопределенности и вооруженного сопротивления, ответом Лондона на политические, социально-экономические, культурные вопросы его «цивилизации» являлось в том числе и последовательное картографирование этой гэльской окраины. Труд Лемприера наглядно демонстрирует, как был реализован этот план. Четко очерченные терракотовые линии военных дорог, проложенных сквозь дымчатые зубья сгрудившихся шотландских нагорий, и аккуратные красные ромбики фортов и укрепленных казарм, связанных новыми маршрутами в единую «систему поддержания мира в Горной Стране», отражали идеальный сценарий решения «Хайлендской проблемы», в котором границы британского присутствия были предельно ясны, а хайлендская политика центральных властей вписана в местный ландшафт [19]. При этом разительный контраст между основательным, строгим британским порядком на составленных сотрудниками Артиллерийской палаты картах Хайленда и преступным беспорядком, царившим всего в нескольких милях от расквартированных в Горной Стране гарнизонов, отчетливо иллюстрирует противоречивый характер картографических приемов умиротворения Горной Шотландии и географического воображения «Хайлендской проблемы». Так, генерал Уэйд упоминает, как всего за полгода до его прибытия в Хайленд, в декабре 1723 г., замешанные в краже скота члены клана Кэмерон повесили сородича у порога собственного дома, решив, что он за деньги выдал местонахождение добычи [32, р. 135–136]. Уже после прибытия командующего в край в 1725 г. арендаторы герцога Гордона не могли долго продержаться на принадлежавших ему по закону землях МакМартинов (ветвь клана Кэмерон), в трех милях к северу от форта Уильям, и были вынуждены

спасаться за стенами форта Уильям от притязавших на их арендную плату МакМартинов, считавших себя единственными законными владельцами этих земель [31, р. 91–93].

При описании колониальной политики существует тенденция характеризовать картографию как орудие имперских властей, поскольку она позволяла утверждать определенную точку зрения администраторов и комментаторов в колониях, на окраинах и в метрополии, превращая противоречия и трудности имперского контроля в простые линии на карте [1; 3; 8; 10; 13; 15; 16; 26; 27]. Между тем неуверенность Лондона в надежности британского присутствия в Горной Шотландии являлась важным мотивом составления многих планов и карт, касавшихся хайлендской политики, документированной сотрудниками Артиллерийской палаты в лондонском Тауэре (современная историография картографии Ирландии раннего Нового времени способствовала такому пониманию картографии Хайленда [14; 18; 19]). Между 1689 и 1759 гг. лояльность многих кланов, вождей и магнатов была скорее номинальной, чем фактической, и именно это обстоятельство отражено в «Описании Горной Страны» Лемприера. Пока существовала якобитская угроза, карты Горного Края задумывались властями с военными и политическими целями. Однако в действительности они далеко не всегда отличались географической точностью, геометрическим порядком и последовательностью картографической съемки. Наиболее важная часть подавляющего большинства проектов умиротворения гэльской окраины – форт – часто картографировалась в большем масштабе, чем окружавшее его пространство «варварского» и «дикого» Хайленда. В левом верхнем углу «Описания Горной Страны» Лемприера, прямо под начертанным на развернутом свитке названием карты, картограф генерала Уэйда изобразил детальные планы всех трех фортов – звеньев знаменитой «цепи» («Chain» или «Line» в документах эпохи [7, р. 322]) укреплений, запиравших основные сухопутные маршруты прямо в центре Горной Страны, из одной части Хайленда в другую – копии планов фортов Уильям, Август и Джордж, составленных Лемприером в 1731 г. [20; 21; 22].

Картографический труд Лемприера предлагает, несомненно, официальный взгляд на решение «Хайлендской проблемы». Вместе с тем он демонстрирует, что составленные картографами Артиллерийской палаты карты Горной Шотландии не ограничивались единственной и фиксированной перспективой. Символическая функция этих укрепленных мест британского присутствия в крае ясна. Преобладание красного цвета, которым военные инженеры королевской армии в XVIII в. отмечали завершённые участки крепостей, было призвано убедить Лондон в том, что форты Уильям, Август и Джордж в состоянии играть роль центров «цивилизации», политического контроля и военного сотрудничества с лояльными Короне и правительству кланами [19, р. 130–135]. Эффектно накладываясь на вписанную в местный ландшафт этническую карту Горной Страны, сеть алых гарнизонов и террактотных военных дорог демонстрировала способность «шотландских» чинов читать ее, понимать и перекраивать. Военные корабли, курсирующие вдоль шотландского побережья, и глубокая историческая ретроспектива британской истории (от римских времен, память о которых вычерчена контурами остатков укрепленного военного лагеря легионеров в Эрдохе, до эпохи Ганноверов, отмеченной местами поражений якобитских восстаний) наглядно убеждали в надежности британского присутствия на этой мятежной гэльской окраине.

География – это «око истории», как образно заметил Эбрэхэм Ортелиус, выразив мнение большинства европейских картографов раннего Нового времени. В сознании сотрудников Артиллерийской палаты в лондонском Тауэре определенные области Хайленда также оказались прочно связаны с важными историческими событиями, память о которых сама стала фактором военно-стратегического планирования. Трансфер политической власти, зафиксированный в именных королевских названиях фортов Уильям, Август и Джордж (при этом, для сравнения, названия фортов Губернатор и Протектор в Ирландии в XVI в. еще откровеннее отражали если не их назначение, то, по крайней мере, устремления и притязания Лондона), победные комментарии к местам сражений с якобитами даже там,

где королевские войска были биты (при Килликрэнки в 1689 г.), и десяток однопалубных военных кораблей, курсировавших вдоль шотландского побережья, наглядно – картографически – отражают эту характерную особенность географического воображения «шотландских» чинов, их агентов и правительства в Лондоне, с подавлением последнего якобитского мятежа в 1746 г., ставшего актуальной реальностью [19].

Вместе с тем такая презентация фортов имела значение и с практической точки зрения тоже. Во-первых, больший масштаб позволял лучше представить, как их можно укрепить, реконструировать, расширить. Детальное картографирование должно было привлечь внимание к разделявшейся, в том числе, разумеется, и генералом Уэйдом, идее о принципиальной необходимости фортов и укрепленных казарм в Горном Крае в рамках решения «Хайлендской проблемы» (общее место в мемориалах, отчетах и рапортах о состоянии и способах решения «Хайлендской проблемы»). В этом смысле закреплённость в пространстве по-прежнему оставалась стержнем хайлендской политики. Из 48 карт Горной Шотландии, составленных в 1689–1709 гг. и связанных с решением «Хайлендской проблемы», 48 % – планы замков, фортов и укрепленных казарм, 54 % – карты военных маршрутов; 88 карт в 1710–1719 гг.: 8 % – схемы сражений, 9 % – военные дороги, 83 % – укрепленные казармы и форты; 43 карты в 1720–1729 гг.: 26 % – военные дороги, 74 % – укрепленные казармы и форты; 27 карт в 1730–1739 гг.: 26 % – военные дороги, 74 % – укрепленные казармы и форты; 262 карты в 1740–1749 гг.: 15 % – схемы сражений, 28 % – военные дороги, 57 % – укрепленные казармы и форты; 141 карта в 1750–1759 гг.: 16 % – военные дороги, 84 % – укрепленные казармы и форты [19, p. 88].

Во-вторых, они были призваны визуально уменьшить негативный эффект от легенды карты, представленной в ее верхнем правом углу – «Кланы, численность которых указана красными цифрами, присоединились к мятежу в 1715 г.» – на том же уровне и на тех же правах, на которых левый угол «Описания Горной Страны» Лемприера украшали изображения фортов Уильям, Август и Джордж

[19]. Символическое и практическое (на)значения их изображений напоминают, что картография и колониальное письмо не всегда и не во всем следуют пропагандистским устремлениям центральных властей (и власти экспертного знания). Выражая идеи в пространственных образах, они оперируют и на функциональном уровне тоже. Что же касается легенды «Описания Горной Страны», то она также представляла собой символическую проекцию карты (ее этнографической нагрузки), и, возможно, даже в еще большей мере была обусловлена реалиями хайлендской политики.

В картографическом воображении ответственных за умиротворение Горного Края чинов география Горной Шотландии представляла собой, благодаря Лемприеру, множество служебных этнографических образов (клановые земли), формируя пространственный взгляд британских властей на решение «Хайлендской проблемы». Во-первых, читатель уже при первом приближении понимал, что якобиты могли искать вооруженную поддержку только среди кланов Горной Страны. «Граница Хайленда» отчетливо разделяла Верхнюю и Нижнюю Шотландию не только с географической, но и с этнографической и политической точек зрения одновременно, обозначая географические и этнографические границы «Хайлендской проблемы». Во-вторых, сами шотландские горцы были представлены в «Описании Горной Страны» разделенными на занимавшие лишенные четких границ области «верных» Короне и правительству и «взбунтовавшихся» кланов. Причем в отношении первых указывалось, что «в 1725 г. бунташные кланы по приказу его Величества были побуждаемы к сдаче оружия генерал-лейтенанту Уэйду, что было исполнено, и они <“верные” кланы> продолжают соблюдать акт о разоружении». Вторые на карте лояльностей, каковой представал взору ответственного читателя труд Лемприера, были выделены красным цветом, чтобы можно было легко соотнести «кланы, численность которых указана красными цифрами» («присоединились к мятежу в 1715 г.»), с их местоположением на карте (тот же красный цвет, что и в легенде) [19]. В-третьих, таким образом, можно было наглядно представить Короне и пра-

вительству в Лондоне, в каком враждебном окружении находились новые форты, в какой сложной социокультурной среде приходилось распространять британское присутствие в Хайленде.

Представление правительства о закреплённости британского присутствия в осваиваемом пространстве, таким образом, распространялось не только на государственную власть, представленную в «Описании Горной Страны» военной инфраструктурой и гарнизонами «красных мундиров». Оно имело и этнографическое измерение, связанное со спецификой отношений в местной среде. Такие категории анализа «Хайлендской проблемы», как «клан» и «край» (в котором проживает тот или иной клан, например, «край МакГрегоров») оказывались взаимозаменяемы, что и происходит на картах, так же как в нарративных источниках. Социальная, политическая, культурная идентичности горцев были вписаны в пространство, которое они населяли. Определённые при помощи картографических инструментов и географического воображения, клановые земли на карте Лемприера создавали подданных Соединённого Королевства, в то время как совокупность таких заселённых картографом мест создавала Хайленд и наполняла «Хайлендскую проблему» конкретным этнографическим содержанием (таким представлением о логике картографического воображения «Хайлендской проблемы» в «Обзрении Горной Страны» Лемприера автор обязан методологическим наблюдениям В. Кивельсон, охарактеризовавшей Московское царство в свете его сибирской политики империей, в которой «политически и экономически москвиты строили свое видение империи из партикуляристских кубиков» [1, с. 253–257]). И здесь картографический анализ хайлендской политики Лондона на новом, этнографическом уровне, возвращает нас к вопросу о том, как сочетались друг с другом стремление Короны и правительства к централизации власти на окраинах и попытки заинтересованных представителей местных элит направлять этот процесс в выгодном для себя направлении. Как справедливо напоминает Джеймс Скотт (и, его устами, Кивельсон), реформирование благодаря описанию никогда не происходит так гладко и односторон-

не, как рассчитывают правительство, ответственные чины на местах и агенты: «Мы должны помнить не только о способности государства при помощи упрощений трансформировать мир, но также и о способности общества модифицировать, разрушать, блокировать и даже ниспровергать устанавливаемые для него категории» [1, с. 41]. Инициированное властями картографирование Горной Шотландии неизбежно предполагало широкое привлечение местных информаторов и знатоков и, следовательно, способствовало формированию хайлендской политики и решению «Хайлендской проблемы» во-многом на основе представлений и отраженных в них интересов местных сообществ.

Картограф Артиллерийской палаты Клемент Лемприер составил «Описание Горной Страны» на основании сведений, представленных в рапорте командующего королевскими войсками в Шотландии генерал-майора Джорджа Уэйда. Командующий, как отмечалось, составил рапорт на основе не только собственных наблюдений, но и «с опорой на лучшие сведения», которые он смог собрать «во время пребывания в этой части страны» [32, р. 131–132]. Речь, несомненно, идет об опоре на агентурную сеть, в которую, напомним, входили в том числе такие приметные и весьма информированные представители шотландского общества, как лорд-адвокат, затем лорд-президент Сессионного суда Шотландии Данкан Форбс из Каллодена и Саймон Фрэнзер, лорд Ловэт, вождь клана Фрэнзер. Эти последние (добрые друзья до тех пор, пока лорд Ловэт не запятнал себя участием в мятеже якобитов 1745–1746 гг.), в свою очередь, получали сведения от многочисленных безвестных агентов из числа своих вассалов и/или клансменов, друзей, клиентов и патронов в Горной Стране и на Равнинах. Полевые исследования в случае с картографическими проектами британского присутствия в Горной Стране так же представляли собой агентурную деятельность, как и в случае с описательной географией Хайленда. Не отказываясь от представлений о картографии как инструменте в руках централизующегося государства в Европе раннего Нового времени, к которому власти прибегали в своей окраинной и колониальной политике, реализуя провозглашенный

Френсисом Бэконом принцип «знание – сила», в данном случае мы имеем дело с менее однозначной историей взаимодействия ответственных за умиротворение Горного Края чинов, картографов и местных добровольных агентов правительства.

Так, например, в случае с вождем Фрэзеров, речь идет не о неумолимом разрастании государственного контроля, позволявшего Лондону при помощи карт обозревать каждый уголок этой мятежной гэльской окраины, склоняя отдельных представителей местных элит к сотрудничеству и совместной борьбе с якобитским движением в Хайленде. Скорее имели место определенная растерянность, робость и лень Короны и правительства, оказавшихся перед необходимостью, вызванной якобитской угрозой, в обозримые сроки превратить контроль над далекой, «дикой» и «варварской» Горной Шотландией из номинального в реальный (как замечает по этому поводу Розалинд Митчисон, «интерес в Лондоне к тому, что происходило <в Горной Стране>, не продержался и года <после 1725 г., на который намечались основные мероприятия, изложенные в рапорте командующего 1724 г.>; правительству казалось, что оно побеждает» [25, р. 35]). В этой связи не удивительно, что в «Обзрении Горной Страны» Лемприера владетельные права лорда Ловэта в Инвернессшире не вызывают сомнений, хотя первые годы после подавления мятежа якобитов 1715–1716 гг. прошли для Саймона Фрэзера под знаком борьбы и судебной тяжбы с прежним владельцем наследных имений Александром МакКензи из Фрэзердэйла, поддержавшим, в свою очередь, якобитский мятеж. При этом сам лорд Ловэт впервые поставил себя вне закона еще в 1696 г., так что «преданность» изгнанным Стюартам пришлось очень кстати после бегства из родной Шотландии во Францию в 1702 г., где он предложил свои услуги «старому Претенденту». Приняв участие в подавлении якобитского мятежа 1715–1716 гг., Саймон Фрэзер, лояльность которого, вероятно, никогда не распространялась дальше его собственной персоны, в надежде ускорить законное возвращение на родину отозвал, по праву вождя, почти всех Фрэзеров из лагеря восставших буквально накануне решающего сражения в Шотландии,

при Шериффмуре 13 ноября 1715 года. Этот поступок вернул лорду Ловэту (окончательно анноблирован в 1730 г.) не только монаршее прощение, но и наследные владения, которые, как указывалось, еще долгое время служили яблоком раздора между своим новым владельцем и прежним. Очень скоро вождь Фрэзеров определил для себя новые приоритеты: решение застарелого наследственного земельного спора и политическая карьера в Шотландии уже при Ганноверах [12, р. 72–73, 103–136; 31, р. 208–209]. Составленные картографами Артиллерийской палаты карты Горного Края, соответственно, использовались для локализации представителей местных элит и как местных агентов правительства, и/или как местных мятежников. В деле решения «Хайлендской проблемы» были возможны и необходимы оба варианта прочтения «Обзрения Горной Страны» Лемприера. Показательно, что в легенде карты кланы разделены не лояльностью изгнанным Стюартам или Ганноверам, а в зависимости от того, приняли они участие в мятеже или же воздержались. Даже информация о том, что «взбунтовавшиеся» кланы сложили оружие, помещена в той части легенды, которая содержит список кланов, не поддержавших мятеж. А список «взбунтовавшихся» кланов завершается примечанием: «Люди Этола <Этолла> и Бродалбина <Бредалбейна> вовлеклись в мятеж без их проводителей» [19].

В Великобритании первой половины XVIII в., как и в других европейских странах, составление карт, таким образом, служило местным интересам не менее эффективно, чем интересам центральных властей. Неудивительно, что взаимодействие между центральными и местными силами и интересами в Хайленде наиболее явно демонстрирует именно этническая картография (хотя крайне редкая в полном смысле этого слова), а не планы фортов и карты военных дорог. Сам факт представления Горной Шотландии на карте, очевидно предназначенной в том числе для демонстрации успехов командующего королевскими войсками в Северной Британии в Лондоне, как территории, пространство которой было организовано исключительно по клановому принципу, многое говорит о способности представителей местных элит навязать

ответственным за умиротворение Горной Страны чинам и их агентам наиболее привлекательный и выгодный для них образ мятежного края. В действительности, как хорошо показывают современные исследования, и социально-экономическое устройство Горной Шотландии, и связанная с ним военная организация горцев были далеки от идеального соответствия феодальному праву и клановым принципам. Коммерциализация активно проникала за «Хайлендский рубеж» еще в XVII в., так что военно-мобилизационные возможности феодально-клановых отношений, постепенно уступавших позиции в крае под давлением модернизации, пребывали в упадке задолго до актов о разоружении горцев в 1716, 1725 и 1747 годах [23, p. 168–172; 24, p. 7].

Хайленд кланов, вождей и феодальных властителей был не только признан таковым юридически актом об Унии между Англией и Шотландией 1707 г., сохранявшей наследственную юрисдикцию и наследственные службы в Шотландии (ст. XX Акта об унии между Англией и Шотландией 1707 г. гласила, что «все наследственные службы, полномочия, наследственные юрисдикции, пожизненные службы и пожизненные юрисдикции будут сохранены за их владельцами как права собственности в той же манере, в какой они распоряжаются ими сейчас по законам Шотландии, несмотря на договор» [2, p. 486]). В этом качестве мятежная гэльская окраина продолжала рассматриваться в прямом и переносном смысле этого слова благодаря труду Лемприера и четверть века спустя. Закрепленность горцев в пространстве фиксированными границами клановых земель и феодальных владений, таким образом, наглядно подтверждала наличие в Соединенном Королевстве разделенной юрисдикции и дифференциации права, основанных на географическом положении.

В первой половине XVIII в., до решительных попыток реформировать Горную Страну после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., Лондон поддерживал курс на интеграцию края не через ассимиляцию и принуждение. Вместо этого ответственные за умиротворение Хайленда чины и их агенты предлагали и содействовали признанию и принятию особого характера социально-экономи-

ческих отношений и политической культуры этой гэльской окраины. Этот факт из истории внутренней колонизации королевства, в свою очередь, позволяет усомниться в традиционном представлении об имперских практиках Великобритании в первой половине XVIII в., как основанных преимущественно на стремлении к унификации и централизации как в колониях за океаном, так и на гэльских окраинах. Кроме того, эти вновь обнаруженные обстоятельства позволяют предположить, что ответственные за умиротворение мятежного края чины и их агенты отводили этнографическому осмыслению «Хайлендской проблемы» в ее решении особую роль, раз горцы на картах Горной Шотландии благодаря техническим способностям картографов и политическим талантам генералов обосновались всерьез и надолго.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кивельсон, В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / В. Кивельсон. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 360 с.
2. A Source Book of Scottish History : in 3 vols. / ed. by W. C. Dickinson, G. Donaldson. – London, Edinburgh, Paris, Melbourne, Johannesburg, Toronto, N. Y. : Thomas Nelson and sons, 1961. – Vol. 3. – 365 p.
3. Agnew, J. Jeremy Black, Maps and Politics; Jeremy Black, Maps and History: Constructing Images of the Past; Jerry Brotton, Trading Territories: Mapping the Early Modern World / J. Agnew // The Journal of Modern History. – 1999. – Vol. 71. – December (№ 4). – P. 916–919.
4. An Exact Plan of His Majesty's Great Roads through the Highlands of Scotland. 1740 // British Library. – Maps K.Top.48.52.
5. Anderson, C. J. Constructing the Military Landscape. The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689–1815 / C. J. Anderson. – PhD Thesis. Vols. 1–2. – Edinburgh, 2009. – 336 p.
6. Bastide, J. H. A Plan of the Field of Battle that was fought on ye 10th June 1719, at the Pass of Glenshiels in Kintail North Britain with ye Disposition of his Majtys Forces under ye Command of Majr. Genl. Wightman, and of those of ye Rebels. 1719 / J. H. Bastide // National Library of Scotland. – MS 1648 Z.03/22a.
7. Burt, E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With an Introduction by R. Jamieson / E. Burt. – Vol. I–II. – Edinburgh : William Paterson, 1876. – 348 p.

8. Campbell, T. Why Theory in the History of Cartography? : Discussion / T. Campbell, D. Fletcher, N. Kadmon, R. J. P. Kain, D. Reinhartz // *Imago Mundi*. – 1996. – Vol. 48. – P. 203–205.
9. Diest, J. van. Major-General George Wade [1731] / J. van. Diest // *Scottish National Portrait Gallery*. Accession No. PG 2416. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.nationalgalleries.org/object/PG 2416>. – Title from screen.
10. Edney, M. H. Theory and the History of Cartography / M. H. Edney // *Imago Mundi*. – 1996. – Vol. 48. – P. 185–191.
11. Elphinstone, J. A New and Correct Mercator’s Map of North Britain. London, 1745 / J. Elphinstone // *British Library*. Maps K.Top.48.17.
12. Fraser, J. Major Fraser’s Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696–1737. Vol. I / J. Fraser ; ed. by A. Fergusson. – Edinburgh : David Douglas, 1889. – 220 p.
13. Godlewska, A. Map, Text and Image. The Mentality of Enlightened Conquerors A New Look at the Description de l’Egypte / A. Godlewska // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. – 1995. – Vol. 20, № 1. – P. 5–28.
14. Grenfell, J. W. Significant Spaces in Edmund Spenser’s View of the Present State of Ireland / J. W. Grenfell // *Early Modern Literary Studies*. 4.2/Special Issue 3 (September, 1998): 6:1–21. – Electronic text data. – Mode of access: <http://purl.oclc.org/emls/04-2/woolsign.htm>. – Title from screen.
15. Harley, J. B. Deconstructing the Map / J. B. Harley // *Cartographica*. – 1989. – Vol. 26, № 2. – P. 1–20.
16. Harley, J. B. Silences and Secrecy. The Hidden Agenda of Cartography in Early Modern Europe / J. B. Harley // *Imago Mundi*. – 1988. – Vol. 40. – P. 57–76.
17. Klein, B. Partial Views: Shakespeare and the Map of Ireland / B. Klein // *Early Modern Literary Studies*. 4.2/Special Issue 3 (September, 1998): 5:1–20. – Electronic text data. – Mode of access: <http://purl.oclc.org/emls/04-2/kleipart.htm>. – Title from screen.
18. Klein, B. The Lie of the Land. English Surveyors, Irish Rebels and “The Faerie Queene” / B. Klein // *Irish University Review*. – Vol. 26, № 2. – Special Issue: Spenser in Ireland: “The Faerie Queene” 1596–1996 (Autumn-Winter, 1996). – P. 207–225.
19. Lemprière, C. A Description of the Highlands of Scotland. The Situation of the several Clans and the Number of Men able to bear Arms, as also ye Forts lately Erected and Roads of Communication or Military Ways carried on by his Majesty’s command, with the Seats of the most considerable Nobility in the Low Country, 1731 / C. Lemprière // *National Library of Scotland*. – Acc.11104. – Map Rol.a.42.
20. Lemprière, C. Fort Augustus. 1731 / C. Lemprière // *British Library*. – Maps K.Top.48.12.
21. Lemprière, C. Fort George. 1731 / C. Lemprière // *British Library*. – Maps K.Top.48.12.
22. Lemprière, C. Fort William. 1731 / C. Lemprière // *British Library*. – Maps K.Top.48.12.
23. Macinnes, A. I. Repression and Conciliation: The Highland Dimension 1660–1688 / A. I. Macinnes // *The Scottish Historical Review*. – 1986. – Vol. 55. – P. 168–172.
24. MacKillop, A. “More Fruitful Than The Soil”: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815 / A. MacKillop. – East Linton : Tuckwell Press, 2000. – 290 p.
25. Mitchison, R. The Government and the Highlands, 1707–1745 / R. Mitchison // *Scotland in the Age of Improvement* / ed. by N. T. Philipson and R. Mitchison. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1970. – 270 p.
26. Smith, C. D. Why Theory in the History of Cartography / C. D. Smith // *Imago Mundi*. – 1996. – Vol. 48. – P. 198–203.
27. Stone, J. C. Imperialism, Colonialism and Cartography / J. C. Stone // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. – 1988. – Vol. 13, № 1. – P. 57–64.
28. The Early Maps of Scotland to 1850. Vol. I / ed. by Donald Grant Moir, Harry R. G. Inglis. – Edinburgh : Royal Scottish Geographical Society, 1973. – 256 p.
29. The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755. William Roy. With introductory essays by Yolande Hodson, Chris Tabraham and Charles Withers. – Edinburgh : Birlinn, 2007. – 400 p.
30. The Highlands of Scotland in the 1750. From Manuscript 104 in the King’s Library, British Museum. With an Introduction by A. Lang. – Edinburgh, L. : William Blackwood and sons, 1898. – 169 p.
31. Trial of Simon, Lord Lovat of the ’45 / ed. by D. N. Mackay. – Edinburgh, Glasgow : William Hodge and Company, 1911. – 314 p.
32. Wade, G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 / G. Wade // *Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750*. In II Vols. Vol. I / ed. by J. Allardyce. – Aberdeen: printed for the New spalding Club, 1895–1896. – 338 p.
33. Wade, G. A Map of the Kings Roads made by His Excellency General Wade in the Highlands of Scotland. 1742 / G. Wade, R. Cooper // *British Library*. – Maps K.Top.48.54.a.

REFERENCES

1. Kivelson V. *Kartografiya tsarstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartography of the Empire: Land and Its Meanings in Russia of 17th

- Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 360 p.
2. Dickinson W.C., Donaldson G., eds. *A Source Book of Scottish History. In 3 vol.* London, Edinburgh, Paris, Melbourne, Johannesburg, Toronto and New York, Thomas Nelson and sons, 1961, vol. 3. 365 p.
 3. Agnew J. Jeremy Black, Maps and Politics; Jeremy Black, Maps and History: Constructing Images of the Past; Jerry Brotton, Trading Territories: Mapping the Early Modern World. *The Journal of Modern History*, 1999, vol. 71, December (no. 4), pp. 916-919.
 4. An Exact Plan of His Majesty's Great Roads through the Highlands of Scotland. 1740. *British Library*, maps K, top. 48.52.
 5. Anderson C.J. Constructing the Military Landscape. The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689-1815. *PhD Thesis. Vols. 1-2.* Edinburgh, 2009. 336 p.
 6. Bastide J.H. A Plan of the Field of Battle of June 10, 1719, at the Pass of Glenshiels in Kintail North Britain with the Disposition of his Major Forces under Command of General Wightman and Rebels. 1719. *National Library of Scotland*, MS 1648 Z.03/22a.
 7. Burt E. *Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With an Introduction by R. Jamieson. Vol. I-II.* Edinburgh, William Paterson, 1876. 348 p.
 8. Campbell T. Why Theory in the History of Cartography? Discussion. *Vol. 48.* Fletcher, N. Kadmon, R. J. P. Kain, D. Reinhartz, eds. *Imago Mundi*, 1996, pp. 203-205.
 9. Diest J. van. Major-General George Wade [1731]. *Scottish National Portrait Gallery. Accession No. PG 2416.* Available at: <http://www.nationalgalleries.org/object/PG2416>.
 10. Edney M.H. Theory and the History of Cartography. *Imago Mundi*, 1996, vol. 48, pp. 185-191.
 11. Elphinstone J. A New and Correct Mercator's Map of North Britain. London, 1745. *British Library*, maps K, top.48.17.
 12. Fraser J. *Major Fraser's Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696-1737. Vol. 1.* ed. by Fergusson A. Edinburgh, David Douglas, 1889. 220 p.
 13. Godlewska A. Map, Text and Image. The Mentality of Enlightened Conquerors. A New Look at the Description de l'Égypte. *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, 1995, vol. 20, no 1, pp. 5-28.
 14. Grenfell J.W. Significant Spaces in Edmund Spenser's View of the Present State of Ireland. *Early Modern Literary Studies. 4.2 Special Issue 3* (September, 1998): 6:1-21. Available at: <http://purl.oclc.org/emls/04-2/woolsign.htm>.
 15. Harley J.B. Deconstructing the Map. *Cartographica*, 1989, vol. 26, no 2, pp. 1-20.
 16. Harley J.B. Silences and Secrecy. The Hidden Agenda of Cartography in Early Modern Europe. *Imago Mundi*, 1988, vol. 40, pp. 57-76.
 17. Klein B. Partial Views: Shakespeare and the Map of Ireland. *Early Modern Literary Studies, 4.2/ Special Issue 3* (September, 1998): 5:1-20. Available at: <http://purl.oclc.org/emls/04-2/kleipart.htm>.
 18. Klein B. The Lie of the Land. English Surveyors, Irish Rebels and "The Faerie Queene". *Irish University Review*, vol. 26, no. 2, Special Issue: Spenser in Ireland: "The Faerie Queene" 1596-1996 (Autumn-Winter, 1996), pp. 207-225.
 19. Lemprière C. A Description of the Highlands of Scotland. The Situation of the several Clans and the Number of Men able to bear Arms, as also the Forts lately Erected and Roads of Communication or Military Ways carried on by his Majesty's command, with the Seats of the most considerable Nobility in the Low Country, 1731. *National Library of Scotland*, Acc. 11104, Map Rol.a.42.
 20. Lemprière C. Fort Augustus. 1731. *British Library*, maps K, top. 48.12.
 21. Lemprière C. Fort George. 1731. *British Library*, maps K, top. 48.12.
 22. Lemprière C. Fort William. 1731. *British Library*, maps K, top. 48.12.
 23. Macinnes A.I. Repression and Conciliation: The Highland Dimension 1660-1688. *The Scottish Historical Review*, 1986, vol. 55, pp. 168-172.
 24. MacKillop A. "More Fruitful Than The Soil": *Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715-1815.* East Linton, Tuckwell Press, 2000. 290 p.
 25. Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707-1745. Philipson N. T., Mitchison R., eds. *Scotland in the Age of Improvement.* Edinburgh, Edinburgh University Press, 1970. 270 p.
 26. Smith C.D. Why Theory in the History of Cartography. *Imago Mundi*, 1996, vol. 48, pp. 198-203.
 27. Stone J.C. Imperialism, Colonialism and Cartography. *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, 1988, vol. 13, no. 1, pp. 57-64.
 28. Moir D.G, Inglis H.R.G., eds. *The Early Maps of Scotland to 1850.* Edinburgh, Royal Scottish Geographical Society, 1973. 256 p.
 29. *The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747-1755. William Roy. With introductory essays by Yolande Hodson, Chris Tabraham and Charles Withers.* Edinburgh, Birlinn, 2007. 400 p.
 30. *The Highlands of Scotland in the 1750. From Manuscript 104 in the King's Library.* British Museum. With an Introduction by A. Lang. Edinburgh and London, William Blackwood and sons, 1898. 169 p.

31. Mackay D.N., ed. *Trial of Simon, Lord Lovat of the '45*. Edinburgh and Glasgow, William Hodge and Company, 1911. 314 p.

32. Wade G. Report relating to the Highlands, 1724. *Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699-1750. In II Vols. Vol. I* ed. by Allardyce

J. Aberdeen, printed for the New spalding Club, 1895-1896. 338 p.

33. Wade G. A Map of the Kings Roads made by His Excellency General Wade in the Highlands of Scotland. 1742. Wade G., Cooper R., eds. *British Library*, maps K, top. 48.54.a.

THE MAP OF GENERAL WADE'S CLANS (1731), OR MAP OF THE HIGHLANDS LOYALTIES

Malkin Stanislav Gennadyevich

Associate Professor, Department of World History and Educational Methodology,
Samara State Academy of Social Sciences and Humanitiess

s.g.malkin@mail.ru

M. Gorkogo St., 65/67, 443099 Samara, Russian Federation

Abstract. The article is prepared with the support of London School of Economics and Political Sciences in the scope of implementation of research projects “Imperial Identity in Britain and Russia: Scotland and Ukraine, 1707–1914” (2010) and “Modernizing Empires: Regular State on the Margins of Europe – Britain and Russia in the Age of Reason” (2013). The article analyzes the attempts of the British Military responsible for the appeasement of the Scottish Highlands in the first half of the 18th century, to localize rebellion with the help of military topography and ethnic cartography. The material deals with the representation, interpretation and use of cartographic information about the Highlands. Rhetoric strategies of the military cartographers, their aims and role are also the objects of the analysis. In the light of the evidence provided by the most famous analysts on the state of Scottish Highlands and, respectively, on the “the Highland Problem” (support for the second restoration of the Stuart dynasty on the British throne from the disaffected clans which were armed and loyal only to their chiefs), with the help of the analysis of official and non-official documentary on the “Highland Problem” and keeping in mind sense of active corporative unity which was spread among the Military during the first half of the XVIII century, respecting colonial questions and policy on the other imperial margins, the author sought to concentrate research of military topography and ethnic cartography of the “Highland Problem”, represented in this article, on the data represented in “The Description of the Highlands of Scotland” (1731) by Clement Lemprière. In the end it is possible to conclude that the data collected and arranged by Clement Lemprière was not sufficient for the military aims during campaigns against the rebels in the Highlands and served as a frame for account of General Wade on his deeds as Commander-in-Chief in Scotland since 1725. The construction of ethnographic map, invention of historical tradition and pretension on the knowledge about ethnography of the Highlanders and geography of the Highlands helped to make empirical issues more concrete from the administrative point of view and to move up to the new level of colonial knowledge. In such circumstances the military topography and ethnic cartography were used to integrate military and political geography and administrative ethnography for the solution of the “Highland Problem”.

Key words: Great Britain, Highlands of Scotland, “Highland Problem”, cartography, “The Description of Highland Country”, Clement Lemprière, General Wade.